

Анна Комзолова

Как России «не повезло» в Литве*

Anna Komzolova

(Institute of Scientific Information on Social Sciences, Russian Academy of Sciences, Moscow)

How Russia was «unlucky» in Lithuania

DOI: 10.31857/S0869568722060231, EDN: MOJMHS

Книга литовского историка Да-русса Сталюнаса не является собственно монографией, а представляет собой сборник отдельных очерков, объединённых общей темой — исследованием национальной политики Российской империи на территориях современных Литвы и Беларуси в период со второй половины XIX в. до начала Первой мировой войны. Публикация продолжает серию «Historia Rossica» издательства «Новое литературное обозрение»; перевод книги на русский язык осуществлён на грант литовского государства. Поскольку все представленные в книге тексты ранее публиковались и частично — на русском языке, в виде отдельных статей и глав трёх монографий (с. 47), трудно говорить о каком-либо цельном авторском замысле, концептуальной новизне или недавних архивных находках.

Структура книги включает введение, три раздела и заключение. Первый раздел посвящён тому, как менялось восприятие земель бывшего Великого княжества Литовского и его населения в сознании российского чиновничества и видных публицистов. По итогам разделов Речи Посполитой территории современной Литвы вошли в состав России и Пруссии, причём в новых владениях Романовых совместно проживали литовцы, белорусы, поляки, евреи,

русские старообрядцы, латыши и татары. Северо-Западный край включал Виленскую, Витебскую, Гродненскую, Ковенскую, Минскую и Могилёвскую губернии. Польское дворянство не оставляло надежд на возвращение независимости Польши и требовало восстановления границ 1772 г. Восстание 1863—1864 гг. Сталюнас признаёт «переломным моментом национальной политики» Петербурга (с. 44), но уклоняется от какого-либо анализа причин и мотивов, подтолкнувших российские власти к политике «деполонизации» в Северо-Западном крае и попыткам, удачным или тщетным, защитить местное крестьянство от польского влияния.

Как полагает Сталюнас, после восстания 1830—1831 гг. одной из целей правительственной политики было «символическое завоевание пространства», а результатом, в принципе недостижимым, — постепенное превращение земель бывшего Великого княжества Литовского в часть русской «национальной территории». Вместе с тем вопрос о размерах исконных «литовских этнических территорий» не так очевиден, как хочет представить автор. В начале XX в. процесс этнической самоидентификации населения Виленской губ., как, впрочем, и остальных земель края, был далёк от завершения. Автор безосновательно обвиняет в идеологически ангажи-

* Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 376 с.

рованных манипуляциях с данными статистики и их недобросовестной инструментализации представителей Императорского Русского географического общества и офицеров Генерального штаба, проводивших с конца 1850-х гг. исследования национально-го состава населения Западного края. При этом все «правильные» выводы данных исследований он приписывает влиянию «экспертных знаний местной нерусской интеллигенции». Примером таких идеологических манипуляций Сталюнас считает уменьшение ареала проживания литовцев, которое он связывает с применением такого не вполне неадекватного, по его мнению, критерия, как языковой (с. 78–88).

Между тем исследователи этнического состава населения северо-западных губерний неоднократно подчёркивали неполноту статистических данных и несовершенство методик. В частности, в фундаментальном «Географическо-статистическом словаре Российской империи» отмечалось, что определение численности литовцев в Виленской, Ковенской и Августовской губерниях «весьма затруднительно», поскольку «приходится складывать цифры, относящиеся к весьма различным годам и имеющие весьма различное достоинство»¹. В этом же издании ставился вопрос о проживании литовского населения в Минской губ., которая «входила в состав Литовского Великого княжества», и потому присутствие литовцев в этой губернии казалось вероятным². Офицер Генерального штаба А.К. Корева, исследовавший Виленскую губ., указывал на неопределённость идентификации населения, проживавшего в Виленском, Трокском, Ошмянском и Лидском уездах. Крестьяне-католики этой местности говорили по-белорусски, но сохраняли обычаи и традиции литовцев³. «В пределах, неоспоримо всегда принадлежавших Литве, — пи-

сал Корева, — встречаются целые католические приходы, населённые руссинами; как это мы указывали в окрестностях городов Вильно, Трок, Лиды и в пределах Ошмянского уезда, по границе с Виленским и Лидским»⁴.

Академик П.И. Кёппен, одним из первых заинтересовавшийся этническим составом населения этого региона и ещё в 1820-х гг. начавший изучать списки населённых мест, выделял не только этнических литовцев, но и так называемых литовско-русских или литвино-руссов, предками которых были древние кривичи. Последних он относил к восточным славянам и называл «белорусцами»⁵. Анализирувавшиеся Кёппеном материалы 10-й ревизии северо-западных губерний 1857–1858 гг. свидетельствовали о довольно распространённом среди местных жителей двуязычии. В этих документах отмечалось, например, что к их «славяно-литовскому наречию очень мало принимается языка литовского»⁶. Таким образом, для современников было очевидно, что этнодемографическая сложность земель бывшего Великого княжества Литовского уходит корнями в историю. Вопрос о происхождении и расселении балтских и восточнославянских народов тесно переплетался, обуславливая возникновение двойной или даже тройной самоидентичности местного населения.

Во втором разделе книги рассмотрены мероприятия местных властей в сфере национальной политики накануне и после восстания 1863–1864 гг., а также формулирование политики «обрусения» в официальном и общественном дискурсах. Поиск в начале царствования Александра II — в период либеральной «оттепели» — новых подходов к решению польского вопроса в Северо-Западном крае, а также выработка альтернативных рецептов национальной политики

сменились после подавления восстания ужесточением курса и попытками «защитить» белорусских и литовских крестьян от «полонизации» в школе и церкви. При этом «обрусение» местных евреев мыслилось российской бюрократией в менее ассимиляторских категориях, чем в случае белорусов и литовцев. Анализируя массовые обращения католиков в православие в 1860-х гг., автор сосредоточил внимание прежде всего на роли властей в этом процессе.

В третьем разделе исследуются малоизученные изменения национальной политики в отношении поляков, белорусов и литовцев Северо-Западного края в начале XX в. Как отмечает Сталюнас, после революции 1905–1907 гг. власти «гораздо меньше экспериментировали и приняли незначительное количество решений, связанных с национальной политикой» (с. 308). Этот вывод не может не вызывать недоумение, поскольку едва ли можно назвать «небольшими экспериментами», даже помимо указов 17 апреля и 17 октября 1905 г., все те изменения, которые были внесены с 1905 г. и которые перечисляет сам автор. Так, в государственных средних и начальных школах разрешалось преподавать литовский язык как предмет; на литовском языке было разрешено преподавать Закон Божий в школах всех уровней. Литовцы первыми в Северо-Западном крае получили возможность издавать периодическую печать на родном языке; теперь они могли поступать в Поневежскую учительскую семинарию и работать учителями (с. 334).

По мнению Сталюнаса, едва ли не единственная цель, которая была достигнута властями в исторической Литве, — сохранение этих территорий в составе империи вплоть до начала Первой мировой войны. Автор характеризует этот результат как «ми-

нимальный» (с. 345), устраняя его из контекста как внутренних интеграционных процессов в империи, так и многовекового военного и идеологического противоборства России, Польши и Германии на этих пограничных землях. Не придавая значения вопросам безопасности Российской империи, он не считает успехом российской политики произошедший после 1863 г. подрыв потенциала польского нацистроительства на западных окраинах, медленный слом той «внутренней империи» в составе российских владений, существование которой долгое время позволяло польской элите доминировать в образовательной, культурной, церковной, общественной и экономической сферах.

Хотя Сталюнас пытается критиковать российских и белорусских историков за «непродуктивность» подходов и даже «ревизионизм» и «поиск оправдания действий имперских властей в отношении неправославных конфессий» (с. 34), он сам полностью игнорирует все аргументы, характеризующие конфессиональную политику Российской империи в этом регионе как политику веротерпимости. Она могла выражаться, например, в противодействии распространению среди католиков этнорелигиозной вражды со стороны польских националистов. Сталюнас даже не пытается оспорить тезис А.Ю. Бендина о том, что после принятия указа о веротерпимости происходила острая борьба за идентичность местных крестьян. Если государственные институты стремились сформировать у нового поколения белорусов в качестве первичной гражданскую (или, другими словами, «гражданскую, надэтническую, российскую») идентичность, то католические иерархи поддерживали приоритет религиозной и этнической идентичности над гражданской, выступая за сохранение польского языка в костёле и школе⁷.

Как полагает Сталюнас, России в Литве «не повезло»: местное польское, еврейское, белорусское и литовское население, несмотря на все усилия бюрократии, не стало русским. Критерии успешности предлагается соотносить с ожиданиями самих российских властей, а эти ожидания со временем менялись. При этом автор не сильно занимает эффективность правительственной политики по минимизации польского влияния на литовцев и белорусов. Все польско-литовские, польско-белорусские или польско-еврейские противоречия он стремится затушевать. В частности, лишь в сноске упоминается деятельность учреждённого в 1906 г. в Вильно Союза возвращения литовского языка в Римско-католической церкви в Литве⁸, проводившего «радикальную антипольскую политику» (с. 340, примеч. 1). «Определённые достижения» властей в решении польского вопроса Сталюнас признаёт в сфере землевладения, поскольку с 1860-х гг. до начала XX в. в Северо-Западном крае количество помещиков «польского происхождения», а также размеры находившихся в их управлении земель действительно уменьшились. Также «отчасти успешной» была политика в отношении православных белорусов — большинства населения края, лояльность которого по отношению к Российскому государству не подвергалась сомнению (с. 354, 355).

В анализе правительственной политики Сталюнас исходит из спорной концепции, согласно которой после 1863 г. властями был разработан некий большой план по «обрусению» многонационального населения исторической Литвы. В своих оценках автор не отходит сколько-нибудь заметно от этноцентричных представлений, доминирующих в постсоветских национальных историографиях Прибалтийских государств, согласно которым

«имперские власти» в своих стремлениях к дискриминации, русификации и гомогенизации населения западных окраин проявляли большую настойчивость и радикальность. Утверждается, что после 1830–1831 гг. они последовательно отказывались от сотрудничества с местными элитами (в данном случае — польским дворянством) и переходили к «националистической» политике. Во время революции 1905–1907 гг. сомнения в эффективности проекта «обрусения», ранее изредка высказывавшиеся в бюрократической среде, переросли в попытку отказаться от прежнего курса. Однако вплоть до начала Первой мировой войны не было выдвинуто концепции, которая могла бы заменить этот проект. В итоге, у зашедших в тупик властей не оказалось «плана решения национальных проблем» (с. 349).

По мнению Сталюнаса, после 1863 г. практики «обрусения» планировались властями по-разному, в зависимости от национальной (этнической) группы. Так, если большинство чиновников и публицистов не верили в возможность ассимиляции и аккультурации поляков и потому проводили «политику сегрегации», то в отношении литовцев «обрусение» подразумевало аккультурацию, которая в перспективе должна была привести к ассимиляции. Но после 1905 г. среди высших чиновников усилились разногласия. Если одни предлагали поддерживать «культурную деятельность» литовцев, то другие (более многочисленная часть) считали их, как, впрочем, и «всех нерусских», «натуральными врагами русской государственности» (с. 342) и предлагали в большей мере подавлять деятельность национальных общественных организаций.

Тот факт, что только одно периодическое издание на белорусском языке смогло просуществовать несколько лет («Наша нива» в 1906–1915 гг.),

Сталюнас выделяет как один из важнейших признаков «отставания белорусского национализма», которое он считает прямым результатом политики «обрусения». Также в вину российскому правительству автор ставит упразднение униатской церкви в 1839 г., которая, по его мысли, «потенциально могла бы стать “национальной” церковью белорусов» и выделять их среди соседних народов (с. 354). Следуя такой логике, можно поставить вопрос: как же тогда литовцы-католики смогли сформировать собственную нацию, не имея «национальной» церкви, которая также могла бы стать важным маркером их «инаковости» в отношении поляков и других соседей?

Таким образом, по мнению Сталюнаса, России «не повезло» в Литве, поскольку большой проект по «обрусению» оказался не в полной мере реализован. Автор нередко недоумевает, почему правительственная политика в этом регионе не стала такой brutальной, какой должна бы быть в соответствии с его собственными представлениями о планировании «обрусения». Например, почему власти вовсе не запретили в Северо-Западном крае распространение книг на польском языке? Почему они не смогли последовательно «обрусить» белорусов-католиков, и почему не произошло их массового обращения в православие? Ведь, согласно автору, руководствуясь официальными представлениями о «большой русской нации», властям не следовало мириться с их принадлежностью к «чуждой» конфессии. Правительство якобы смогло не допустить использование белорусского языка в школе и Католической церкви, но не пожелало после 1905 г. запретить печать на белорусском языке. В итоге, неуспех в реализации политики «обрусения» литовский историк обуславливает прежде всего «плохим планированием», ошибками и отсутствием последовательности.

Однако сложно согласиться с выводом автора о каком-либо последовательном отказе властей от сотрудничества с польской элитой. Так, более жёсткий курс, проводившийся в Северо-Западном крае под управлением М.Н. Муравьёва и К.П. Кауфмана в 1863–1866 гг., довольно скоро — уже в конце 1860-х гг. — сменился стремлением к компромиссу. Виленские генерал-губернаторы А.Л. Потапов и П.П. Альбединский (последний, кстати, даже не упоминается в книге Сталюнаса) не только не пытались подорвать традиционное влияние поляков в крае, но неоднократно заявляли об исчерпанности потенциала русификаторской политики. Они стремились поддержать наиболее лояльную часть польского дворянства и создать «контингент польских оппортунистов», добиваясь для них различных экономических уступок и ослабления действовавших после 1863 г. чрезвычайных мероприятий, прежде всего отмены так называемого процентного сбора⁹.

Между тем долгосрочная стратегическая задача российских властей в Северо-Западном крае заключалась в «обрусении» территорий, что прежде всего подразумевало их правовую, административную, социальную и военную интеграцию в состав империи. По крайней мере до начала XX в. главным содержанием внутренней политики Петербурга в этом регионе являлся не национальный вопрос, а реализация и корректировка крестьянской реформы, поиск решения различных социально-экономических проблем в контексте пореформенной трансформации сословного строя империи, преодоление «отсталости» крестьян. При этом многие русификаторские инициативы зачастую шли «снизу», от интеллигентных чиновников Виленского учебного округа. Хотя «правлящие верхи» империи считали народные массы прочной опорой са-

модержавия, их «обрусение» не было, да и не могло быть приоритетной задачей в условиях отсутствия всеобщего начального образования и преобладавшей среди крестьян неграмотности.

Видимо, вследствие того что книга, подобно лоскутному одеялу, собрана из текстов, написанных в разное время и с различными установками, Сталюнасу не удалось избежать внутренних противоречий и несогласованности в своих выводах. Так, в заключении он подчёркивает, что методы политики «разделяй и властвуй» «были чужды царскому режиму» (с. 349). Однако ранее он отмечал, что в начале 1860-х гг. для более успешной борьбы с польским влиянием представители «просвещённой бюрократии» и «влиятельные славянофилы» предлагали предоставить литовцам и белорусам определённые возможности и преимущества в сфере культуры и образования. Элементы такой политики Сталюнас находит, например, в предложениях попечителя Виленского учебного округа кн. А.П. Ширинского-Шихматова, направленных в Петербург весной 1863 г. Автор признаёт, что целям политики «разделяй и властвуй» служила и корректировка крестьянской реформы в Литве и Белоруссии, основу которой заложил указ 1 марта 1863 г., вводивший обязательный выкуп и ликвидировавший раньше, чем во внутренних губерниях России, временнообязанное положение крестьян Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской и части Витебской губерний. Одновременно на 20% понижались выкупные платежи¹⁰. Вместе с тем Сталюнас отмечает, что такую популистскую политику считала неприемлемой другая часть российской элиты, включая министра внутренних дел П.А. Валуева и шефов жандармов кн. В.А. Долгорукова и гр. П.А. Шувалова, которые защищали «традиционные механизмы интеграции» империи, основанные «пре-

жде всего на сотрудничестве с элитой окраин», в данном случае — с местным польским дворянством (с. 125, 126).

Однако Сталюнас не упоминает, что именно Валуев стал инициатором принятия указа 1 марта 1863 г. В декабре 1862 г. он представил на рассмотрение Западного комитета записку, в которой предлагал, отнюдь не чуждаясь популистской политики, учитывать особенности Северо-Западного края, проводить политику «разъединения» сословий и поддерживать «осторожной рукой взаимное нерасположение крестьян и помещиков»¹¹. Интересно, что о необходимости посредством аграрной реформы «разъединить» крестьян с польскими землевладельцами писал в 1864 г. виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьёв¹², выступавший неприемлемым оппонентом Валуева. Таким образом, представленная Сталюнасом схема сторонников и противников политики «разделяй и властвуй» не выдерживает критики. Проблема заключается в том, что такие историографические клише не подходят для анализа российской политики и взглядов высшей бюрократии. Возможно, более целесообразно ставить вопрос о том, как интерес «верхов» империи к недоминирующим этническим группам влиял на формирование правительственного курса, направленного на поддержку этнического разнообразия империи¹³, и как этот курс противопоставлялся или, напротив, дополнял политику русификации окраинных территорий.

Таким образом, в книге Д. Сталюнаса впервые собраны результаты многолетних исследований в литовских и российских архивах, которые представляют значительный интерес для специалистов. Вместе с тем этноцентричные оценки, а также уклонение автора от обсуждения острых вопросов с российскими и белорусскими историками препятствует полноценной научной дискуссии.

Примечания

¹ Семёнов П.П. Географическо-статистический словарь Российской империи. Т. 3. Вып. 1. СПб., 1866. С. 63.

² Там же. С. 242.

³ Корева А. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Виленская губерния. СПб., 1861. С. 287, 288, 320–321.

⁴ Там же. С. 321.

⁵ Кёттен П.И. О происхождении, языке и литературе литовских народов. СПб., 1827. Стб. 9–11, 40. См. также: Комзолова А.А. Национальная идентичность в статистических исследованиях Северо-Западного края Российской империи (1860-е годы) // Большая Евразия. Развитие, безопасность, сотрудничество. Ежегодник. Материалы Третьей международной научно-практической конференции в рамках Общественно-научного форума «Здравствуй, Россия!». М., 2020. С. 496–501.

⁶ Кабузан В.М. Формирование многонационального населения Прибалтики (Эстонии,

Латвии, Литвы, Калининградской области России) в XIX–XX вв. (1795–2000 гг.). М., 2009. С. 7–8.

⁷ Подробнее см.: Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914). Минск, 2010.

⁸ Так у Д. Сталюнаса. В российском официальном делопроизводстве эта организация называлась «Союз для восстановления прав литовского языка в римско-католической церкви в Литве». См. её устав: РГИА, ф. 821, оп. 2, д. 73, л. 103–108 об.

⁹ Подробнее см.: Комзолова А.А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М., 2005. С. 241–258, 281–286, 291–330, и др.

¹⁰ Зайончковский П.А. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 г. М., 1958. С. 365–372.

¹¹ РГИА, ф. 908, оп. 1, д. 185, л. 1–12.

¹² ГА РФ, ф. 811, оп. 1, д. 45, л. 15 об., 16.

¹³ Более широкий контекст см.: Полуннов А.Ю. Империя слабых: власть и «малые народы» России и мира во второй половине XIX – начале XX в. // Русский сборник: исследования по истории России. Т. XXXII. М., 2021. С. 177–196.